

Следует отметить, что в отчетах, направляемых уполномоченным в Совет по делам религиозных культов при СНК СССР, присутствуют серьезные ошибки и неточности. Так в отчете о начале деятельности каждой из религиозных организаций в период оккупации, им были проставлены конкретные даты, указывающие не только год, но и конкретный день и месяц их регистрации в немецкой управе. Эти даты были установлены уполномоченным на основании опроса руководителей общин. К сожалению, сегодня мы не можем документально проверить конкретную дату начала деятельности каждой из религиозных организаций, так как не сохранились архивы оккупационных властей, поэтому вынуждены пользоваться данными, приводимыми уполномоченным. Из всех приводимых им сведений вызывают сомнение даты начала деятельности двух организаций – «пятидесятников» г. Феодосии – (указан апрель 1941 года) и Евангельских христиан г. Севастополя – (указана дата – 11 февраля 1942 года) [14].

К техническим ошибкам или опечаткам можно отнести дату начала деятельности в Феодосии общины «пятидесятников» – апрель 1941 года, так как это время еще не связано с военными действиями, и в СССР в самом разгаре была политика гонений в отношении религии и церкви, поэтому не может быть и речи о какой-либо деятельности этой общины.

Сомнение вызывает и дата, связанная с началом деятельности в городе Севастополе общины Евангельских христиан. Февраль 1942 года – это время жесточайших боев в период обороны Севастополя и поэтому сложно утверждать, что в это время в осажденном городе, в условиях непрерывных военных действий и кровопролития могла начать свою деятельность община верующих. Даже если это и произошло, то это никоим образом не связано с фашистскими оккупационными властями. В дальнейшем уполномоченный направил в Москву более точную дату регистрации этой общины. Разрешение на официальную деятельность эта община получила уже в период полной оккупации немцами базы Черноморского флота.

22 февраля 1945 года Комитет по делам религиозных культов при СНК СССР направил в Крым директивное письмо, в соответствии с которым рай - и горисполкомы были обязаны провести регистрацию всех служителей культа и получить от них документы о том, что они назначены на должности служителей культа соответствующими религиозными центрами. Однако к маю 1945 года такие документы оформил лишь газзан караимской общины г. Симферополя Я.Б. Шамаш [11].

Во втором квартале 1945 года к уполномоченному по вопросу регистрации обратились община старообрядцев Белокрыничского согласия, действовавшая в Приморском районе, а также общины Евангельских христиан-баптистов Ленинского района и Адвентистов седьмого дня г. Евпатории. Однако, учитывая, что представленные документы не соответствовали требованиям инструкции, разработанной в 1944 году в Совете по религиозным культам, в соответствии с которой проходила регистрация новых и перерегистрация уже действующих общин, уполномоченный вернул верующим документы для дополнительной доработки.

Таким образом, кратко проанализировав состояние религиозной ситуации и деятельность уполномоченного Совета по делам религиозных культов в Крыму, можно сделать вывод о том, что в период с мая 1944 по май 1946 года, благодаря его усилиям была проведена работа по изучению религиозной ситуации и выявлению организаций, созданных на полуострове в период гитлеровской оккупации. Из-за многочисленных и сложных вопросов, связанных с восстановлением экономики Крыма и депортацией населения с территории полуострова, местные органы власти в 1944–1946 годах практически не уделяли должного внимания вопросам деятельности религиозных общин.

Источники и литература

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). – Ф. Р. 663. – Оп.10. – Д.1124. – Л. 5.
2. ГААРК. – Ф. Р. 663. – Оп.18. – Д.46. – Л.175.
3. Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. – М., 1994; Юнусова А.Б. Ислам в Башкирии. 1917-1994. Уфа, 1994.
4. ГААРК. – Ф. Р.3295. – Оп.2. – Д.1. – Л. 4.
5. Там же. – Ф. Р.3295. – Оп.2. – Д.1. – Л. 6–7.
6. Там же. – Ф. Р. 3295. – Оп.2. – Д.4. – Л. 24.
7. Там же. – Ф. Р.3295. – Оп.2. – Д.1. – Л. 3.
8. Там же. – Ф. Р.3295. – Оп.2. – Д. 1. – Л.8.
9. Там же. – Ф. Р. 3295. – Оп. 2. – Д. 1. – Л.16.
10. Там же. – Л. 4.
11. Там же.
10. Там же. – Л.6.
11. Там же.
12. Там же. – Д. 4. – Л.116.
13. Там же.

Мельников А.В.

ЖИЛИЩНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОМ ФАШИСТАМИ КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Вторая мировая война является одной из самых трагических страниц в истории Украины. Историко-правовой аспект немецко-фашистского оккупационного режима на территории Крыма, который формально относился к рейхскомиссариату «Украина», интересовал некоторых ученых, исследователей и ранее [1]. Научная новизна данной статьи заключается в ограниченном количестве исследований жилищных

правоотношений в указанный период. При этом большая часть публикаций поверхностно касается данных правоотношений, не анализируя их детально [2]. Изучение как позитивного так и негативного опыта жилищной политики Третьего рейха, реализованной на территории Крымского полуострова, является важным фактором для совершенствования жилищной политики в Автономной Республике Крым. Поэтому предметом настоящей статьи является раскрытие некоторых аспектов жилищной политики нацистской Германии как одной из сторон оккупационного режима на территории Крыма. Целью статьи ставится анализ существовавших жилищных правоотношений, введенных немецко-фашистскими властями на оккупированной территории Крыма. В работе использованы малоизвестные материалы газетного фонда Государственного архива в Автономной Республике Крым.

В годы оккупации Крыма немецко-фашистским командованием уделялось значительное внимание правовому регулированию жилищных вопросов. Одним из первых шагов, предпринятых нацистским командованием, был запрет на самовольное занятие, а также обмен квартир независимо от принадлежности муниципалитету или физическим лицам без ордера жилищных отделов городских управлений, контролируемых немецкой военной комендатурой. Любое посещение незаселенных домов расценивалось «как грабеж!» [3]. По окончании общей регистрации населения, жильцов всех без исключения домовладений вписывали в прежние домовые книги заново, на основании документов, с отметкой регистрационного пункта о прохождении регистрации. В том случае, если прежние домовые книги не сохранились, жилищные отделы выдавали для этой цели новые тетради, где велись новые записи по образцу домовой книги.

Особый интерес в жилищных правоотношениях представляет роль уполномоченных домами (домоправителей), зарегистрированных в квартирно-жилищных конторах (жилищных отделах) городских управлений. После создания оккупантами адресного стола на домоправителей местными коллаборационистскими властями были возложены следующие обязанности: следить за своевременной пропиской прибывающих жильцов и их выпиской после убытия, не допускать никакого самовольного вселения и переселения жильцов без разрешения городской управы, предоставлять по требованию местных властей сведений о квартиросъемщиках, а также следить за своевременным взносом жильцами квартирной платы, согласно таксе, утвержденной городской управой. Во время снегопада совместно с дворниками – очищать тротуары от снега, а во время гололедицы посыпать их песком или золой. Уполномоченные домами следили за состоянием водопровода и при необходимости принимали меры к немедленной ликвидации аварий, сообщая об этом в отдельных случаях в отдел городского хозяйства. Они также следили за ежедневной уборкой дворов и подметанием улиц своего участка. Собранный с улиц мусор вывозился городским обозом, а с дворов — силами самих жильцов или за их счет. Домоправители с особой строгостью пресекали заселение посторонними лицами чердаков и подвалов, ежедневно проверяя их. Домоправители и домовладельцы немедленно подавали сведения об освобожденных квартирах в квартирно-жилищную контору городского или районного управления [4] и аккуратно вели домовые книги в полном соответствии с фактическим проживанием в их домовладениях жильцов. За проживание квартиросъемщика в доме более суток без отметки в домовой книге на домоправителя налагался штраф в размере до 100 рублей, свыше двух суток – 300 рублей, а за несвоевременную выписку выбывших квартирантов налагался штраф в сумме от ста до двухсот рублей [5]. Также обязанностью уполномоченных домами было принятие под ответственное хранение имущества граждан, отправленных на работу в Германию, в случае если последние не могли передать это имущество своим родственникам или знакомым. Для этих целей составлялась в 3-х экземплярах опись принятых на хранение вещей. Оставленные квартиры запирались и домоправителями принимались «меры, гарантирующие имущество от похищения» При перемене домоправителя обязанности по хранению и само имущество передавалось новому управляющему [6].

В квартирах, находившихся в ведении органов местного самоуправления – городских управ, жильцы были обязаны содержать предоставленные им помещения в полной исправности, бережно обращаться со всеми устройствами общего пользования и содержать их в чистоте. В случае разрушения либо порчи жилого помещения или места общего пользования квартиросъемщиком или членом его семьи, необходимо было немедленно произвести соответствующие работы по исправлению причиненного вреда имуществу и за счет виновного лица. Не разрешалось производить каких-либо переустройств в помещении без письменного разрешения городского управления. При освобождении или выселении из занимаемой квартиры жильцу строго запрещалось производить какие-либо разрушения в квартире и уносить с собою оборудование или приспособления данной квартиры независимо от того, кем и когда эти улучшения были сделаны или привнесены, а также возлагалась обязанность сдать жилье в полной исправности уполномоченному дома. Далее домоправитель в трехдневный срок лично или в письменной форме сообщал в квартирно-жилищный отдел соответствующего управления сведения об освобожденных в его дворе квартирах с указанием состояния квартир а, при наличии нарушений, – виновников этого.

Не позже десятого числа каждого месяца жильцы были обязаны оплачивать через банк квартирную плату за текущий месяц и вносить в приходившуюся на их долю сумму расходов за коммунальные услуги по раскладке, утвержденной общим собранием двора домовладения [7]. В целях дифференцирования квартирной платы с 1 января 1942 г. все квартиры были разделены на классы. Первый класс составляли квартиры, имевшие внутренний водопровод, внутреннюю и дворовую канализацию. Второй класс составляли квартиры, имевшие только внутренний водопровод, а третий класс – не оборудованный внутренним водопроводом и канализацией. Квартирная плата должна была вноситься квартиросъемщиками не позже 10-го числа за текущий месяц. С несвоевременно внесших плату взималась пеня в размере 0,5% в день от суммы просрочки. Жильцы, неправильно давшие сведения об отнесении их квартиры к тому или другому классу, подвергались штрафу в размере 100 рублей. Лица, не внесшие квартирной платы в течение месяца, подлежали немедленному выселению из занимаемых квартир. Лица, не выполнявшие распоряжений городской управы, приказов и распоряжений германского командования, штрафовались до 5000 рублей или же привлекались к одному месяцу принудительных работ. Скидка по квартплате в размере 50

% предоставлялась лицам немецкой национальности, семьям крымских татар, вступивших в качестве добровольцев в ряды германской армии, а также инвалидам первой группы (слепым, глухонемым и т.п.) [8].

В начале каждого месяца уполномоченные дворами были обязаны проверять взнос квартплаты жильцами двора и о результатах проверки до двадцатого числа каждого месяца сообщать в финансовый отдел городского (районного) управления, а затем сверять списки жильцов дома с записями квартирно-жилищного отдела.

В некоторых районах Крыма запрещалось заселение квартир не только без ордера, но и без особой справки, дающей право на вселение. Ключи от калиток дворов находились только у домоправителей, которые запирали их в установленное комендатурой время. Если даже житель получал разрешение на смену квартиры или на выезд из города, то такой житель и соответствующий управдом были обязаны сообщить об этом в паспортный стол при городской управе или сельском старостате [9]. Следует отметить, что гражданскому населению строго запрещалось присоединяться к электросети как с целью освещения, так с целью получения энергии для электромоторов [10]. Жильцы, желавшие установить временные печи в своих помещениях, были обязаны подать заявление в трубопечной отряд пожарной инспекции соответствующего города или района, которая выдавала надлежащее разрешение. За вызов пожарного инспектора взималась плата в размере 5 рублей [11].

Для разрешения жилищных споров была создана жилищно-конфликтная комиссия при жилотделе Симферопольского городского управления. В случае несогласия с постановленным этой комиссией решением оно могло быть обжаловано городскому Голове по ходатайству заинтересованного лица и в соответствии с Правилами производства дел в жилищно-конфликтной комиссии [12]. Этими правилами запрещалось выселение из квартир в период с 16 декабря по 15 марта, за исключением особых случаев. Так, например: лиц, замеченных в самовольном занятии квартир, немедленно выселяли в административном порядке, они также лишались права проживания в домах управы и вместе с уполномоченным дома, допустившим такое правонарушение, подвергались штрафу в размере трех тысяч рублей.

Общее количество работников жилищного отдела Симферопольского городского управления составляло 409 сотрудников, из которых в самом отделе работало 26 человек, 125 – в домоуправлениях, 232 – дворника и 26 ремонтных работника. В ведении жилотдела находилось 2600 домов, что составляло 45 % всех домовладений г. Симферополя. Для приема квартиросъемщиков по жилищным вопросам управдомы должны были находиться в своих конторах ежедневно с 10 до 12 часов утра [13]. В состав жилого и нежилого фонда г. Ялта входило: 939 жилых домов, 508 торгово-производственных помещений и 347 санитарных зданий. Город был разбит на три района. Управление жилищным фондом выполнялось 30 управляющими домами, в распоряжении которых насчитывалось 97 дворики. Всего в 1943 г. жилищный отдел г. Ялта выдал 1891 ордер на 2351 комнату [14].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что немецкое командование создало обширную систему, обслуживавшую потребность фашистских властей в контроле над жителями оккупированного Крыма. Полное исследование немецко-фашистского оккупационного режима возможно лишь при глубоком изучении всех его составляющих: судебных, административных, налоговых и других правоотношений.

Источники и литература

1. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органах в осуществлении оккупационного режима на советской территории. – М., 1974.; Брошеван В. Симферополь 1941-1944: историко-документальный очерк о городе Симферополе в годы Великой Отечественной войны. – Симферополь, 1994.; Рекотов П. Немецко-фашистский оккупационный режим на территории Украины (1941-1944 гг.). – К., 1997.; Романько О. Крым. 1941-1944 гг. Оккупация и коллаборационизм. – Симферополь, 2004.
2. Гуркович В. Окупационный режим в Крыму (1941-1944). – Симферополь, 1996.; Мельников А. О некоторых вопросах финансово-хозяйственной политики Третьего рейха на территории рейхскомиссариата «Украина» // Материалы I Всеукраинской научно-практической конференции «Науковий потенціал України». – К., 2005.
3. Голос Крыма. – № 22(28). – 1942. – 15 марта.
4. Евпаторийские известия. – № 36. – 1942. – 13 мая.
5. Феодосийский вестник. – № 25. – 1942. – 29 ноября.
6. Евпаторийские известия. – № 63. – 1942. – 15 августа.
7. Там же. – № 93. – 1942. – 28 ноября.
8. Там же. – № 28. – 1942. – 15 апреля.
9. Сакские известия. – № 44(47). – 1942. – 3 июня.
10. Гуркович В.М. Окупационный режим в Крыму 1941-1944. – Симферополь. 1996. – С. 83.
11. Голос Крыма. – № 113 (119). – 1942. – 8 ноября; Феодосийский вестник. – № 1(33). – 1943. – 6 января.
12. Голос Крыма. – № 132 (138). – 1942. – 25 декабря.
13. Там же. – № 63(69). – 1942. – 15 июля.
14. Государственный архив в Автономной Республике Крым. – Газетный фонд. – Оп. 5. – Д. 72. – Л. 7